

Глава 3

Напиши мне письмо

Небольшой пожар вовремя потушили — пламя даже не успело пролизать стены амбара насквозь.

Поджигателя прижали к земле; тот попытался было принять яд, но ему вовремя вывихнули челюсть, лишив возможности покончить с собой.

Хань Минь, наблюдавший за этой сценой, невольно коснулся собственного подбородка. Слава небу, его челюсть была на месте и в полном порядке.

Заметив это глуповатое выражение на его лице, Фу Сюнь тихо рассмеялся.

— Как ты здесь оказался?

— Я собирался пойти к городским воротам, — ответил Хань Минь, — но на выходе заметил этого типа. Он вел себя крайне подозрительно, вот я и решил проследить.

Немного помолчав, он добавил упавшим голосом:

— Оказывается, ты и так всё предусмотрел.

— Пойдем, — сказал Фу Сюнь, — провожу тебя к воротам, сам всё увидишь.

Он развернулся и зашагал прочь, а юноша поспешил следом.

Система тут же вернулась к нему.

«Так вот о чем ты говорил? — подала голос она. — Об этом ты собрался докладывать на принца Гуна и префекта Лю?»

Хань Минь лишь загадочно улыбнулся, не проронив ни слова.

Городские ворота

Вслед за Фу Сюнем он вышел к городским воротам. Ополченцы Лючжоу высоко подняли факелы, разгоняя ночной мрак. Людей, присланных двором, оказалось немного, а телег с провизией и лекарствами — всего тридцать, если считать по максимуму.

Хань Минь остановился у одной из них и как бы невзначай спросил:

— А что в этой телеге?

— Зерно, — Фу Сюнь встал рядом.

Хань Минь ухватился за край одного из мешков, намереваясь распороть его, но сил в руках явно не хватило.

Поняв его намерение, принц жестом подозвал ополченца и взял у него тяжелый пакдао. Слегка отодвинув юношу назад, он коротко бросил:

— Позволь мне.

Острие клинка вспороло мешковину, и на мерзлую землю, перемешиваясь, посыпались песок и редкие зернышки риса.

Хань Минь покосился на стоявшего поблизости ополченца и громко, чтобы тот точно услышал, обратился к Фу Сюню:

— Ваше Высочество извелся от беспокойства, торопил обоз как мог и даже отдавал собственный паек, лишь бы накормить людей... А в итоге двор присылает это.

Тот ничего не ответил. Он молча вернул оружие воину и велел ему идти. Провожая принца взглядом, ополченец смотрел на него теперь с нескрываемым благоговением.

Фу Сюнь прекрасно понял замысел Хань Миня, но когда воин скрылся из виду, лишь сухо заметил:

— Я не так уж сильно извелся.

— Это стратегия формирования общественного мнения, — возразил Хань Минь. — Ваше Высочество в этом ничего не смыслит.

— Раз уж ты никуда не торопишься, — добавил Фу Сюнь, — подожди со мной еще немного.

Юноша с любопытством взглянул на него. Неужели у принца был припасен еще какой-то

козырь?

Сумерки

Ночь сгушалась, посыпал мелкий снег. У главной дороги, ведущей к воротам Лючжоу, наскоро соорудили навес. Хань Минь сидел за квадратным столом на длинной скамье, грея руки о чашу с чаем и витая где-то в своих мыслях.

«Так вот в чем твой план по устранению принца Гуна и префекта?» — вновь спросила Система.

«М-м», — подтвердил Хань Минь.

«Откуда ты узнал, что зерно будет таким?»

«Предположил. Этой зимой из-за снегов цены на рис взлетели до небес. Всем снабжением управляет принц Гун, и он наверняка прикарманил добрую половину. А его подчиненные и вовсе мастера по этой части. К тому же, раз четвертый принц твердо решил погубить Фу Сюня в Лючжоу, они, должно быть, рассудили, что дойдет этот обоз или нет — никакой разницы»

«Какая наглость», — резюмировала Система.

Хань Минь притворно ахнул:

«Ого! Ты даже выучила это выражение!»

Система промолчала, а юноша с легкой усмешкой добавил:

«В большинстве случаев, если на кону большие деньги, люди способны и не на такое»

Разговор прервался. Хань Минь внезапно почувствовал, что к нему обращаются, и, очнувшись от забытья, растерянно посмотрел на собеседника.

Тот повторил свой вопрос:

— Как поживает твой дедушка?

— Всё хорошо, — ответил Хань Минь. — Только вот зимой он всё так же сильно мерзнет.

— А старший брат?

— Тоже неплохо. Каждый вечер я делаю ему массаж ног. Кто знает, может, однажды он снова сможет ходить.

Фу Сюнь на мгновение замялся, явно не зная, о чем еще спросить, и наконец выдал:

— А твоя матушка?

— Со всеми всё в порядке, — ответил Хань Минь, решив избавить собеседника от необходимости перечислять всех домочадцев по отдельности. — У нас в семье всё благополучно: и у тетушки, и у третьего брата. Благодарю Ваше Высочество за заботу.

Больше спрашивать было не о чем, и принц просто смотрел на него. Хань Миню этот взгляд показался странным, но тут он спохватился и вежливо осведомился в ответ:

— А... как дела у Вашего Высочества?

Тот с достоинством кивнул.

— А Ваша матушка... то есть Ее Величество императрица?

— У нее всё хорошо.

Хань Минь задумался на мгновение:

— А старший брат Цзян? И другие друзья, с которыми мы играли в детстве, как они?

— У всех всё в порядке, — подтвердил Фу Сюнь.

Юноша вырос в Юнъани среди сверстников из знатных семей. Но за те два года, что род Хань провел в опале, он не видел старых друзей. Опасаясь навлечь на них беду, он почти не писал им писем.

После недолгого молчания Фу Сюнь вдруг спросил:

— Ты часто переписываешься с Фу Жаном?

Третий принц был старшим братом, а Фу Жан — пятым, рожденным наложницей Хуэй. Поскольку та была близка с императрицей, их сыновья росли почти как родные братья. Пятый

принц был ровесником Хань Миня, и они с детства крепко дружили.

Даже когда Хань Минь уехал на юг в Тунчжоу, друг продолжал слать ему письма с почтовыми голубями. Юноша не мог запретить ему писать, поэтому они часто вели бумажные беседы, в которых тот порой проговаривался о делах при дворе. О том, что Фу Сюнь едет в Лючжоу, Хань Минь тоже узнал из его посланий.

Он не понял, к чему был этот вопрос, но тон принца показался ему каким-то странным.

Не успел он ответить, как к ним подошел Вэнь Янь с докладом:

— Ваше Высочество, наши люди прибыли.

Фу Сюнь поднял взгляд, и Хань Минь вслед за ним обернулся к воротам. Солдаты стройными рядами входили в город, сопровождение обоза было безупречным. Каждую повозку, запряженную отборными боевыми конями, охраняла пятерка воинов, один из которых нес факел. Обоз тянулся бесконечной вереницей, а огни сливались в одну сияющую огненную змею.

Хань Минь поднялся, чтобы лучше видеть. Телег было не меньше нескольких сотен.

Оказывается, утром на стене принц имел в виду вовсе не столичный обоз. Он ждал своих собственных людей.

Хань Минь потрясенно уставился на него. Не в силах выразить свое восхищение словами, он лишь молча сложил ладони в жесте почтения.

«Силен, ничего не скажешь. Восхищаюсь»

Фу Сюнь легко улыбнулся и поднялся с места.

— Но разве двор не запретил тебе брать с собой войска? — вдруг вспомнил Хань Минь.

Тот вышел из-под навеса:

— Принц Гун не справился со своими обязанностями. Я был вынужден призвать своих людей — мера чрезвычайная, но необходимая. Как говорится, полководец в походе может не исполнять приказы государя.

Хань Минь поспешил за ним:

— И то верно.

Теперь, когда перед глазами у всех было испорченное зерно, действия принца выглядели более чем оправданными. Но тут юношу осенило:

— Цены на рис сейчас безумные. Откуда у тебя столько денег?

Фу Сюнь остановился и пристально посмотрел на него.

Хань Минь вздрогнул и, неуверенно указав на себя пальцем, спросил:

— Ты хочешь сказать, что... как и я, продал свою резиденцию?

Вид у него при этом был настолько уморительным, что принц не выдержал и отвернулся, пряча улыбку, чтобы не обидеть его.

— Помнишь, когда мы еще учились в Академии, ты упоминал метод «совмещения военного дела и земледелия»? Я пробовал внедрить его эти несколько лет. В этом году как раз собрали первый серьезный урожай. Я планировал выбросить этот рис на рынок, чтобы сбить цены, но тут случилось землетрясение в Лючжоу.

Только тогда Хань Минь вспомнил, что когда-то и впрямь заводил об этом речь. Он ляпнул это мимоходом, и ему было трудно поверить, что Фу Сюнь запомнил его слова.

Принц подошел к одной из телег, развязал мешок и заглянул внутрь. Рис был жемчужно-белым, зернышко к зернышку. Зачерпнув горсть, он протянул ее юноше.

Тот довольно улыбнулся. В разгар беды ничто так не успокаивает сердца людей, как вид доброго зерна.

Фу Сюнь завязал мешок и отвел Хань Миня к обочине. Тот, скрестив руки на груди, завороченно наблюдал, как поток телег бесконечной рекой вливается в город. В душе его невольно поднялась волна гордости.

— Всё это благодаря тебе, — тихо произнес принц, глядя на его профиль.

— Я лишь сболтнул лишнего, — поспешно возразил Хань Минь. — Это Ваше Высочество проявил мудрость.

Собеседник не ответил. В свете факелов он смотрел на юношу со своей обычной загадочной полуулыбкой, но вдруг что-то заметил и нахмурился.

Он поднял руку и ухватился за длинную ленту, вплетенную в волосы Хань Миня. Тому еще не исполнилось двадцати, поэтому он всё еще подвязывал волосы лентами. Фу Сюнь всего лишь хотел поправить сползшую на плечо ленту, без всякого тайного умысла. Кто же знал, что он приложит чуть больше силы, чем нужно?

Лента скользнула вниз, и тяжелый каскад иссиня-черных волос рассыпался по плечам и спине юноши.

Хань Минь обернулся и гневно нахмурился.

Фу Сюнь, ничуть не смутившись, помахал лентой у него перед носом:

— Ну, верну я ее тебе, чего так злиться?

Юноша выхватил ленту, развернулся спиной и, зажав ее край в зубах, принялся обеими руками собирать волосы.

Колонна повозок была настолько длинной, что даже когда он закончил с прической, конца обозы всё еще не было видно.

— Тот бамбуковый свисток, что я подарил тебе раньше... он сломался? — внезапно спросил Фу Сюнь.

— Вовсе нет, — Хань Минь похлопал себя по одежде. — Просто я собирался в такой спешке, что оставил его дома.

Тот достал из рукава новый свисток и протянул ему. Хань Минь принял подарок и дважды коротко дунул. Тотчас ночное небо прорезал крик, и вниз стремительно спикировал сокол. Юноша выставил левую руку, и птица тяжело опустилась ему на предплечье.

Сокол мелко переступил лапами, поудобнее устраиваясь на руке. Хань Минь заметил белое пятнышко на его голове.

— Неужели тот самый?

Фу Сюнь командовал в северо-западных землях, а там ловчие птицы — обычное дело. У него их была не одна сотня.

Он кашлянул в кулак, отводя взгляд:

— Хм. Этот обучен специально для тебя.

Хань Минь погладил его по голове и с улыбкой позвал:

— Редискоголовый!

— Его зовут Яньчжи, — поправил Фу Сюнь.

Юноша выпятил губу и прошептал:

— Нет, Редискоголовый.

«Ладно, пусть будет Редискоголовый», — мысленно сдался принц.

Он помолчал немного, а затем негромко произнес:

— Свисток и сокол теперь у тебя. Пиши мне письма.

Хань Минь не сразу понял, о чем речь:

— А?

— Пиши мне письма, — терпеливо повторил Фу Сюнь. — Так же часто, как ты пишешь Фу Жану.

Только тогда до юноши дошло.

— ...Хорошо.

Пока они разговаривали, к ним подбежал парень лет шестнадцати-семнадцати в таких же доспехах, как и воины обоза. Удерживая ладонь на рукояти меча, он радостно воскликнул:

— Второй брат Хань!

Хань Минь обернулся и на мгновение замер в замешательстве, не сразу узнав его.

— Вэй Хуань?

Вэй Хуань подошел ближе, сначала почтительно поклонился Фу Сюню, а затем снова обратился к Хань Миню:

— Я еще издали заметил тебя, брат! Подошел поближе — и впрямь ты!

— За два года ты так вытянулся, — улыбнулся Хань Минь. — Как ты оказался в Лючжоу?

Молодой человек смущенно почесал затылок:

— Да я в Юньани вечно во что-нибудь влипал, вот брат и не выдержал. Ты же знаешь, какой у него бешеный нрав. Разозлился и отправил меня к Его Высочеству в гвардию. Так я и попал в Лючжоу на это бедствие, вот только что с обозом вернулся.

Хань Минь был дружен со старшим братом Вэй Хуаня.

Взгляд парня упал на сокола, сидевшего на руке юноши.

— Ваше Высочество наконец-то уговорил тебя писать ему?

Хань Минь опешил:

— Откуда ты знаешь?

— Да как тут не знать! — простодушно выпалил Вэй Хуань. — Пятый принц постоянно крутил твоими письмами перед носом у нашего принца. Фу Сюнь когда в столицу приезжает к императрице с визитом, Императрица и наложница Хуэй тоже всё шепотом выспрашивают.

— О чем спрашивают?

— Не в ссоре ли наш принц с тобой. А то как же так получается: Фу Жану ты пишешь постоянно, а ему — ни строчки.

Договорив, Вэй Хуань вдруг осознал, что принц стоит прямо здесь. Тот насупился, лицо его потемнело от гнева.

Парень поспешно зажал рот рукой и попятился:

— Ваше Высочество?..